

Москва влюбилась в него с первого взгляда. Во-первых, потому что харизматичен, во-вторых, делает то, что на земле не делает никто. Он — конный король, и его кони работают на манеже как артисты. Причем с самого начала ясно, что с цирковой джигитовкой с зажигательными криками «асса!» его театр не имеет ничего общего.

Ликуй, столица, — через два месяца на Чеховском фестивале театр «Зингаро» вновь покажет премьеру. Самый загадочный француз — месье Бартабас — в эксклюзивном интервью Марине РАЙКИНОЙ.

Из досье «МК». Его зовут Клеман Ламарти. По профессии — архитектор, но забросил градостроительство и дизайн с тех пор, как познакомился с цыганами. Именно с этого момента его зовут Бартабас, что означает слияние двух слов — «бар» и «табак». Свой театр «Зингаро» назвал по имени своего первого коня. Спектакль «Зингаро» — завораживающий синтез этнической музыки, света и лошадиной игры, во что, если не видеть, а слушать только рассказы, совсем не верится.

— Месье Бартабас, вы все знаете про лошадей. Это правда, что у них нервная система такая же, как у людей? Так, во всяком случае, утверждалось в одном французском фильме.

— В лошади интересно то, что она весит в десять раз больше, чем человек, но в то же время она более чувствительна. Действительно, я обожаю лошадей, это моя страсть, моя жизнь, но лошадь для меня это как инструмент, которым я самовыражаюсь и который выражает то, что я хочу сказать. Моя работа строится на том, что я прислушиваюсь к тому, что мне могут рассказать лошади. А когда я перестану их слышать, тогда я перестану работать. Разница между лошадьми и людьми в том, что, когда я в шесть утра прихожу в конюшню — они меня уже ждут.

Лошади вообще очень многому научили меня, причем это касается не только творческих моментов или театральной работы, но и вообще жизни. Главное, чему они меня научили, — слушать других. У нас XXI век на дворе, и люди очень много говорят, говорят без конца — по телевизору, повсюду выступают, а вот насчет того, чтобы услышать друг друга, — с этим гораздо хуже. А лошади, они ничего не могут выразить словами, и я должен к ним прислушиваться и таким образом их понимать.

— Люди, которые работают с лошадьми, считают, что, поработав с животными, они лучше видят обман.

— Я вообще избегаю сравнения животных и людей, и когда говорят, например, об уме животных, я всегда задаю вопрос: «А что такое ум вообще?» Для меня ум, например, человеческий, это осознание того, что мы лишь пылинки во вселенной и что мы приходим совсем ненадолго в этот мир. Человек с 4 лет начинает понимать, что он не вечен на этой земле, что когда-нибудь он уйдет. И именно отсюда появились религия, искусство — человеку надо каким-то образом себя утешать.

А у животных этого нет — нет осознания, что такое жизнь и смерть. Это инстинкт, но не осознание. Да, есть слоны, которые идут куда-то там умирать, но это инстинкт. Люди, конечно, обладают умом и знаниями, но знание постепенно лишило нас всех этих инстинктов, отделило от корней, от природы. И в этом смысле, конечно, животные гораздо более чувствительны, чем мы. И если с этой точки зрения сравнивать ум и чувствительность (я уже говорил, что лошадь весит в 10 раз больше, чем мы), то получается, что лошадь где-то даже умнее человека.

Она всегда чувствует внутреннее состоя-

КОННЫЙ КОРОЛЬ

Бартабас: «Лошадь даже умнее человека»

ние наездника. Вот тебе один выразительный пример из практики «Зингаро»: когда мы делали «Триптих», мы на генеральную пригласили местных ребят, и все прошло идеально, потому что наездники не волновались. А когда была парижская премьера, одна лошадь перевернулась и уронила наездницу: лошадь нервничала не от того, что было много народа, а от того, что наездница была настолько напряжена и волновалась, что это передалось животному.

— На Чеховском фестивале состоится мировая премьера «Коней ветра». Что можно о ней сказать?

— Я хочу, чтобы спектакль был уникальным. Уникальность его в том, что вместе с нашими артистами и, естественно, нашими лошадьми задействованы еще и тибетские монахи, которые живут в закрытом, замкнутом мире и никогда из него не выходят. Они мне интересны тем, что обладают особой мудростью, особым пониманием жизни. Еще мне интересны тибетские монахи тем, что они были изгнаны из своей страны. И культура — это то единственное, что осталось им, чтобы выжить. Дело в том, что «Зингаро» существует долгие годы как семья и переплавляет в себе различные культуры, не имеет национальной идентификации. Может быть, оттого что мы работаем с лошадьми, мы ближе к источнику первородности. Так, например, жители пустыни, работавшие у нас в спектакле «Химеры», когда видели прекрасную лошадь, оживлялись, а при виде Версаля или прекрасного отеля затухали. И вот в этом смысле в них больше настоящих, человеческих ценностей.

— Насколько я знаю, название спектакля «Кони ветра» появилось только сейчас.

— Манера моей работы своеобразная: лошади, допустим, уже найдены, спектакль рождается в процессе работы, с музыкой тоже все вроде бы понятно, а название рождается в конце. Мы еще не знаем, как все будет, но у меня всегда так: только в процессе все и заваривается — что-то получается, что-то не получается. Непонятно, как все ингредиенты спектакля будут взаимодействовать: кто кому и что даст в работе?

— В каждом спектакле у нас, как пра-

вило, новые лошади. Откуда на этот раз «артисты»?

— 15 из Аргентины, 5 американских и португальские. Сейчас у нас в «Зингаро» 64 лошади. Все лошади из спектакля «Триптих» после его окончания переберутся в академию в Версаль.

— Да, я уже слышала, что конная академия в Версале — новое детище Бартабаса.

— Это академия наездников — 12 учеников со всех стран мира. Часть своего времени они будут посвящать выступлениям на лошадях, а в другое время будут учиться музыке, танцам и другим видам искусств. Этот курс рассчитан на два года. Академия будет работать ежедневно, кроме понедельника. Я не стану ставить там такие масштабные спектакли, как в «Зингаро», но все-таки какие-то небольшие буду ставить. И еще одна причина, почему я открыл академию: я могу туда помещать своих лошадей. У меня всегда была проблема: а что же мне делать с теми, которые участвовали в предыдущих спектаклях? Я не мог их использовать в следующих, и получалось, что не знал, куда их деть. А теперь все будет проще, потому что я буду их отправлять в академию.

— В следующем году «Зингаро» исполняется 20 лет.

— Да, но не будет никаких пышных празднований, это скорее всего будет «20 лет «Зингаро» в Авиньоне» — с момента основания театра любой наш новый спектакль приезжал в этот город.

Почему мировая премьера будет в Москве? Мы едем сюда не только потому, что два года назад здесь у нас все хорошо прошло, а потому, что мы почувствовали человеческий контакт, особенный интерес публики. И почему мы стараемся не повторяться в наших спектаклях? Потому что мне, например, совершенно неинтересно делать то, что я уже делал, и для меня важно, чтобы люди спрашивали себя: «А зачем он сделал теперь так? Ведь в прошлый раз хорошо же было. А теперь совсем по-другому».

— Если верить астрологам, человек в прошлом был каким-то животным. Вы бы ли лошадью? И если да, то какой масти?

— Не знаю. Я ничего не знаю.